

„Начало карьеры“ въ Маломъ театрѣ. Антъ I-ый.

Кустарнаго дѣла драматургія.

(Александринскій театр. „Первые шаги“, комедія въ 4-хъ д. В. А. Рышковъ! — „Малый“ театр. „Начало карьеры“, комедія въ 4-хъ д. В. А. Рышкова. — Луна-парк. „Реймскій соборъ“, пьеса Г. Г. Ге.)

1.

Наташа, дочь стараго и страшно честнаго писателя Терлецкаго, ужасно негодуетъ, что ея отцу приходится писать не то, что нужно только ему самому, а то, что нужно редакціямъ. Такъ какъ каждый писатель по истеченіи сорока лѣтъ имѣетъ право на мягкое кресло и сигару, то Наташа рѣшаетъ идти на сцену. Черезъ восемь мѣсяцевъ Терлецкая—уже извѣстная артистка и можетъ утѣшить отца и кресломъ, и сигарой. Но недаромъ Терлецкій сорокъ лѣтъ высоко держалъ литературное знамя! Онъ рѣшительно отказывается отъ наташиной помощи, такъ какъ она живетъ въ кредитъ, а онъ сорокъ лѣтъ жилъ на наличныя. Съ горя Наташа занимаетъ у Крапчика тысячу за тысячей. Но Крапчикъ беретъ высокіе проценты, а Терлецкая, какъ истинная идеалистка, считаетъ, что все должно дѣлаться ради ея прекрасныхъ глазъ. Поэтому она подыскиваетъ себѣ миллионера, который отсчитываетъ ей пятнадцать тысячъ ради глазъ и прочаго. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ Горностаевъ (миллионеръ) не разъ намекаетъ, что въ сущности и онъ не прочь отъ процентовъ, но Терлецкая „боится его понимать“ и уплачиваетъ причитающіеся Горностаеву проценты въ высшей степени благородному актеру Зарницину. Тѣмъ временемъ Горностаевъ задумалъ открыть для Наташи театръ, а при театрѣ газету. Но Терлецкая заручается ангажементомъ у антрепренера Одинцова, который, не говоря худого слова, вручаетъ ей (на тринадцатомъ мѣсяцѣ ея сценической карьеры!) десять тысячъ аванса. Обезпечивъ себя авансомъ, Наташа уже не боится понять Горностаева и уѣзжаетъ съ Зарницинымъ туда, „гдѣ не будетъ ни враговъ, ни купленной критики“*) „...

„Но позвольте!—спроситъ читатель,—что-же это такое? Бредъ? Несвязный лепетъ парамнетика“?

О, нѣтъ! Это—схематизированные „Первые шаги“ г. Рышкова. Замѣтите: въ ковычкахъ. Потому что просто первые шаги его были куда осмысленнѣе и благороднѣе.

*) Фраза въ ковычкахъ взята текстуально изъ либретто.

2.

У г. Рышкова, какъ драматурга, имѣется старая тяжба съ драматической критикой. Когда, по случаю двадцатипятилѣтія высокополезной дѣятельности г. Рышкова, его навѣстили интервьюеръ, драматургъ открыто заявилъ представителю прессы, что всѣ драматическіе критики—пошляки и ипшутъ пошлости про его пьесы. А „пошлости“ критиковъ заключались главнымъ образомъ въ томъ, что они... Ну, словомъ, г. Рышковъ, обвиняя критиковъ въ „писаніи пошлостей“, предъявилъ имъ встрѣчный искъ.

Вся трагичность „спорящихъ сторонъ“ въ томъ, что нѣтъ надежды на разрѣшеніе этой тяжбы. Современникъ не можетъ не быть заинтересованной стороной, а слѣдовательно — не судья. Вотъ развѣ „потомство разсудитъ“? Но, какого высокаго мѣня ни будь г. Рышковъ о самомъ себѣ, не можетъ же онъ серьезно предполагать, что у потомства станеть времени и охоты заниматься его проповеданіями. Какъ же быть? Правда, пресса обѣихъ столицъ обслуживается много болѣе, чѣмъ десятью рецензентами, а вѣдь еще Пушкинъ говорилъ: „Если ты ничего не пилъ, но десять челоѣкъ увѣряють, будто ты пьявъ, иди и ложись спать!“. Но г. Рышковъ не только не „пошелъ спать“, а написалъ пьесу, въ которой вывелъ рецензентовъ хулиганами, взяточниками и сводниками. Похоже ли вышло? Не мнѣ судить—„anch'io son' pittore“! Быть можетъ, я просто неспособенъ воспринять это? Вѣдь спрашиваетъ же въ пьесѣ Терлецкій своего друга, почему онъ не втолкуетъ сыну, что онъ (сынъ)—пошлякъ, а другъ отвѣчаетъ, что это было бы бесполезное занятіе...

Не будемъ же заниматься бесполезнымъ занятіемъ, а разберемъ, удалось ли автору выполнить свою задачу.

3.

Въ первой главкѣ я уже нарисовалъ общую схему пьесы. Схема, какъ вы видѣли, достаточно сумбурна и нелогична. Но въ этомъ она удержала лишь свойства самой пьесы. Да вообще говорить о логикѣ и естественности развитія драматическаго дѣйствія въ данномъ случаѣ совершенно не при-

ходится. Пьесы тутъ въ сущности вообще нѣтъ, какъ нѣтъ ни мастерства, ни техники. Просто взяты данныя „хроникки происшествій“, кое какъ разорваны по клочкамъ, сшиты бѣлыми нитками, кое гдѣ одобрены „словечками“—самая „кустарнаго дѣла драматургія“. Но и „словечки“ на этотъ разъ—такъ себѣ, между прочимъ. Не въ нихъ, не въ формѣ здѣсь дѣло: вся пьеса понадобилась лишь для того, чтобы указать на рецензентовъ, какъ на враговъ сценическаго дѣла. И потому привстающие персонажи, какъ Митя Ошурковъ и Рѣшетовъ, не будучи органически нужны для схемы пьесы, фактически выдвинуты въ ней на первый планъ.

Рѣшетовъ—критикъ-драматургъ. Въ пьесѣ много и нудно трактуется о неудобствѣ подобнаго совмѣстительства: дескать, Рѣшетовъ можетъ начать ругать чужія пьесы изъ зависти. Странное дѣло! Если Рѣшетовъ способенъ сводить рецензіями личные счеты, то онъ все равно не имѣетъ права быть критикомъ, хотя бы онъ пьесъ и не писалъ!

Что касается Мити, это—шофферъ, занимающійся рецензентствомъ. Развозя господъ изъ театровъ, онъ подслушиваетъ ихъ разговоры (?) и на основаніи этого пишетъ отзывы. Редакція его печатаютъ, антрепренеры—боятся...

Не знаю, самъ я такого типа не встрѣчалъ. Но допустимъ, что Митю авторъ не выдумалъ, что тутъ—результаты личнаго опыта. И все-таки по пьесѣ не видно, чтобы „Митя“ играли рѣшающую роль въ жизни театра. Такъ напримѣръ онъ увлекаетъ на сцену красавицу-горничную, у которой, кромѣ декольта, никакихъ талантовъ нѣтъ, и все-таки, несмотря на то, что Митя—сила, она на сценѣ удержаться не можетъ.

Затѣмъ сама Терлецкая. Авторъ увѣряетъ, что она—очень талантлива, а изъ пьесы видно, что пресса восторженно отозвалась на дебютъ начинающей артистки. Значитъ, и по г. Рышкову пресса состоитъ не изъ однихъ шофферовъ, значить, въ прессѣ нашлось достаточно чуткости, чтобы сразу почувствовать и отмѣтить выдающійся талантъ.

Правда, авторъ пытается намекнуть, что главную роль въ этомъ играетъ красота Наташи. Но вѣдь я могу говорить не о томъ, что *хотѣлъ* сказать, а лишь о томъ, что *сказалъ* намъ авторъ. А сказалъ онъ, хотя бы и противъ своей воли, что и на сценѣ, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ жизни, нравственно здоровая натура можетъ восторжествовать надъ „средой“, а натура слабая—падетъ.

4.

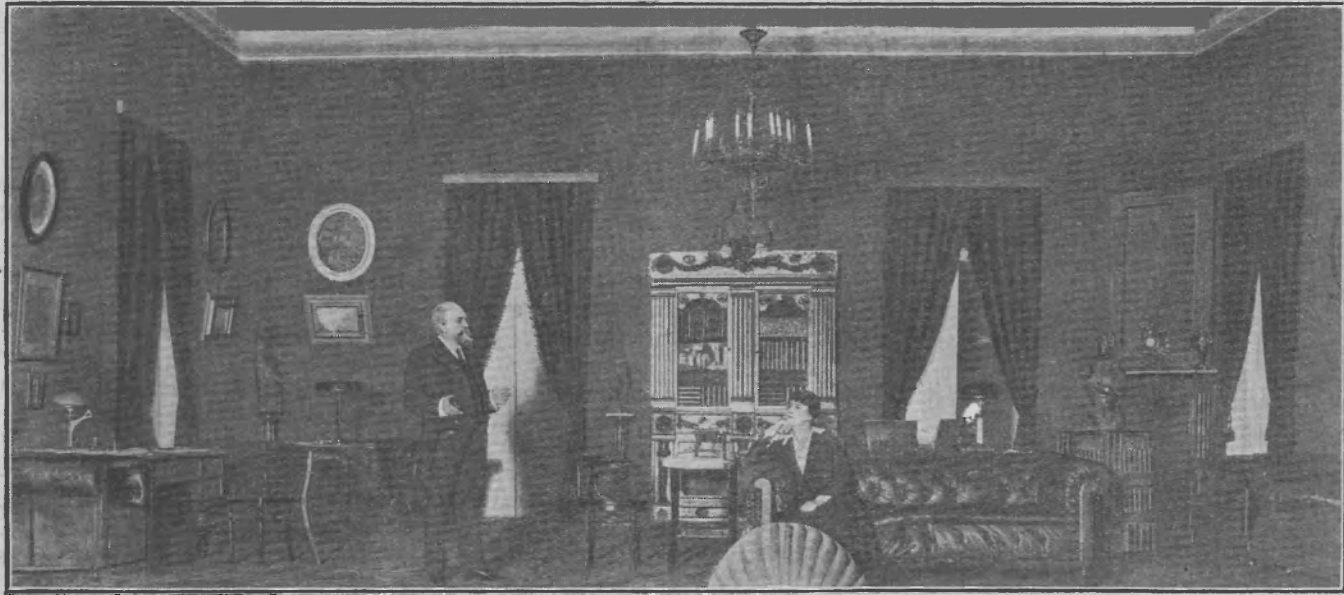
Въ самомъ дѣлѣ—почему надо выдѣлять на особомъ трагическомъ пьедесталѣ трудность положенія артистки, если дѣятельница сцены лишь раздѣляетъ обще-женскую участь?

Мы видимъ артистокъ, получающихъ триста рублей въ мѣсяцъ и пегوليوющихъ въ тысячныхъ туалетахъ. Но приглядитесь къ улицѣ. Кто—эти женщины въ мѣхахъ, брильянтахъ, сторублевыхъ шляпкахъ? Это—жены людей, зарабатывающихъ 150—200 рублей въ мѣсяцъ! Зайдите въ любую контору, и вы увидите сорокарублевыхъ машинистокъ въ шелковыхъ чулкахъ по пятнадцати рублей пара. Вызовите на откровенность хорошенькую горничную, фельдшерницу, кассиршу, бонну и пр., и пр. Всѣ онѣ расскажутъ вамъ о своей борьбѣ противъ силы и соблазна. Но и тутъ, какъ на сценѣ, все зависитъ отъ крѣпости нравственныхъ устоевъ. Въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ одна падаетъ по первому натиску, другая сдается послѣ недолгой борьбы, третья остается побѣдительницей до конца.

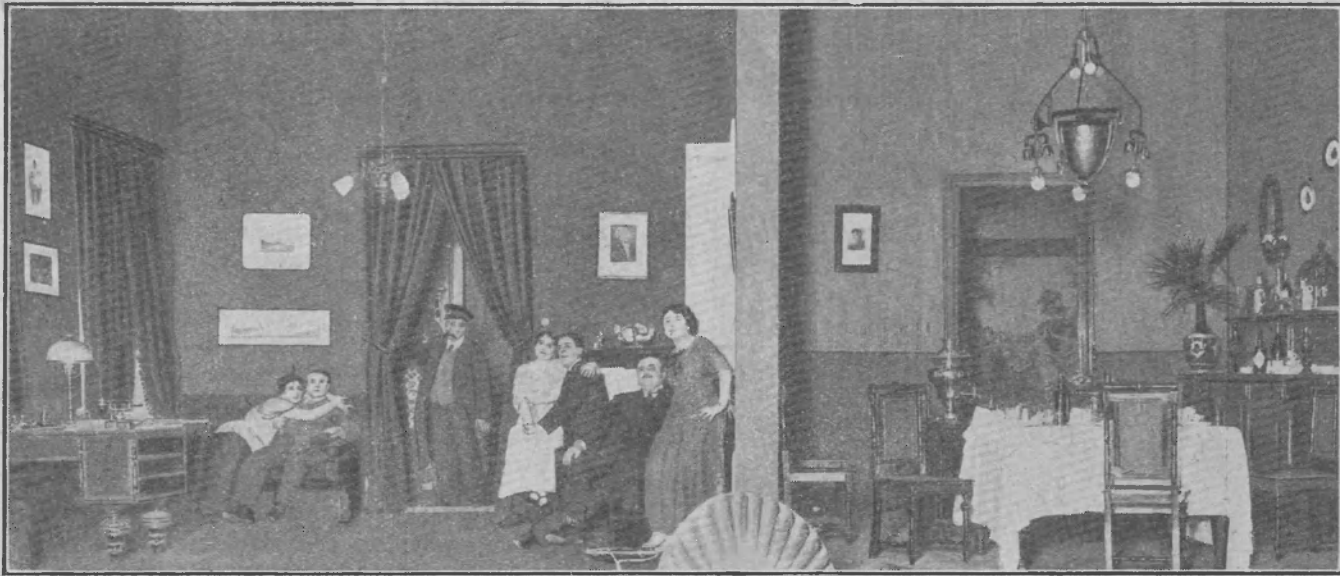
Но я скажу даже больше: артистка въ этой цѣпи трудящихся женщинъ—наиболѣе свободная. „Митя-шофферъ“ по существу не имѣетъ никакой власти, и при малѣйшемъ присутствіи гражданскаго мужества актеръ всегда можетъ указать ему его мѣсто. Митя полѣзъ за кулисы? Вышвырните его! Митя сдѣлалъ гнусное предложеніе? Вейте его! Митя хочетъ сорвать съ васъ взятку? Плюньте ему въ лицо! Дайте самую широкую огласку всѣмъ поползновениямъ „Митей-шофферовъ“, не боясь послѣдствій. Вѣдь это—просто злая ложь, будто вы не найдете поддержки въ честной прессѣ. Неужели надо приводить въ доказательство факты, давно и всѣмъ извѣстные?

Но все дѣло въ томъ, что именно гражданскаго мужества актерскому міру нехватаетъ. Сцена сама поощряетъ „Митей-шофферовъ“ и зачастую травитъ рецензента, имѣющаго дерзость быть независимымъ. И если яныя актрисы платятся карьерой за то, что не хотятъ служить чувственности развратныхъ рецензентовъ, то вѣдь и иные рецензенты лишаются куска хлѣба потому, что не хотятъ хвалить развратныхъ, но бездарныхъ актрисъ.

Ахъ, да что и говорить! Вѣдь объ этомъ въ сущности всѣ знаютъ, но замалчиваютъ. Знаетъ конечно и авторъ. Но непокладистые рецензенты все никакъ не соберутся произнести этого кустарнаго драматурга въ Шекспира, и вотъ г. Рышковъ на скорую руку выкраиваетъ изъ репортажныхъ

„Начало карьеры“ въ Маломъ театрѣ. Актъ II-ой.

„Начало карьеры“ въ Маломъ театрѣ. Актъ III-ий.

замѣтокъ и закулисныхъ сплетенъ драматическое недоразумѣніе въ четырехъ бездѣйственныхъ дѣйствіяхъ, только чтобы доказать, что сценой завладѣлъ пошлякъ. Что же—не будемъ спорить съ г. Рышковымъ, тѣмъ болѣе что этотъ вопросъ зависигъ отъ того, какъ его понимать.

5.

А какъ играли александрицы эту кустарную дребедень! Только много лѣтъ тому назадъ на сценѣ московскаго Малаго, въ то время лучшаго въ мірѣ, театра можно было увидѣть такую художественно-простую, тонкую, концертную игру.

Вѣдь въ сущности самъ авторъ не далъ въ этой пьесѣ никакого матерьяла, но александрицы, какъ боги, сумѣли создать многое изъ ничего. Какіе нибудь мелкіе, вводные персонажи, какъ портниха (г-жа Чарская) или Жиро (г. де Лазари), превращались въ живые и яркіе типы. Но именно такую прекрасную игру я могу поставить только въ укоръ александрицамъ. По-моему, просто безсовѣстно тратить столько ума, работы и вдохновенія на подобную „кустарнаго дѣла драматургію“. И потому я ни словомъ не обмолвлюсь, что отъ г-жи Ведривской нельзя было оторвать глазъ и что гг. Давыдовъ, Горинъ-Горяиновъ, Ходотовъ и Судьбининъ своей игрой заставляли зрителя порой забывать и не чувствовать всего убожества текстуальнаго матерьяла!

6.

Итакъ „Первыми шагами“ г. Рышкова при благосклонномъ участіи александрицевъ исконный врагъ автора—рецензентъ—былъ сокрушенъ и уничтоженъ. А побѣдивъ врага, авторъ могъ подумать также и о старомъ другѣ—„галеркѣ“. И вотъ специально для послѣдней была написана новая пьеса—„Начало карьеры“.

„Начало карьеры“—комедія изъ чиновничьяго быта. Ея содержаніе сводится къ формулѣ: „Всѣ чиновники—или безнравственны, или глупы, или... и то и другое вмѣстѣ“. Справедливо ли подобное утвержденіе? Не думаю, но, можетъ быть, г. Рышковъ знаетъ чиновный міръ лучше меня? А можетъ быть—и это еще правдоподобнѣе—подобная точка зрѣнія просто удобнѣе для нагроможденія эффектово въшняка, за волосы притянутого комизма?

Какъ пьеса, „Начало карьеры“ несравненно выше „Первыхъ шаговъ“, и это вполнѣ понятно. Драматургъ съ явнымъ уклономъ къ чистому фарсу вдругъ выступилъ въ

роли моралиста-обличителя. Что могло изъ этого получиться? Да конечно—„Первые шаги“, и только! А въ „Началѣ карьеры“ г. Рышковъ вернулся къ тому трафарету, на которомъ онъ уже набилъ себѣ руку.

Но если сравнивать эту пьесу съ прежними того же ряда, то приходится признать, что она --- изъ слабѣйшихъ. Оставляя въ сторонѣ всякіи художественный критеріи (гдѣ ужъ тамъ, прости Господи!), достаточно указать, что пьеса не дѣлаетъ сборовъ и не имѣетъ успѣха даже у традиционныхъ „райскихъ“ почитателей автора. Для этого она слишкомъ блѣдна, разжижена, недостаточно „трюкиста“. А можно было бы изъ нея кое что сдѣлать! Если бы четыре акта сжать въ два, ввести въ первый актъ танцевальный дуэтъ (танго или кэкъ-уокъ) тайнаго совѣтника съ машинисткой, замѣнить поперечную стѣну въ квартирѣ Путанцева ширмой, о которую всѣ спотыкались бы, падали, которую роняли бы, обнажая зрителю дѣйствующихъ лицъ въ откровенномъ де-забиле, тогда... Ну, кандидатура въ Шекспиры конечно по-прежнему осталась бы вакантною, но въ Сабуровы-Младшіе г. Рышковъ могъ бы быть немедленно пожалованъ. А вѣдь и это—ей Богу недурное положеніе!

7.

Однако статья такъ затянулась, что невольно приходится ограничиться всего лишь нѣсколькими словами по поводу третьяго образца чистѣйшей кустарной драматургіи—„Реймскаго собора“ Г. Г. Ге.

Не случись одного обстоятельства, это было бы не трудно. Вѣдь достаточно отмѣтить, что искалѣченная германцами святыня обращена „сихъ дѣлъ мастеромъ“ въ новый аттракціонъ Луна-Парка, и о пьесѣ сказано все. Но... въ ней играла г-жа Павлова! А кто видѣлъ эту артистку въ пьесѣ г. Ге, тотъ согласится, что объ отчетномъ спектаклѣ уже не скажешь въ двухъ словахъ, разъ въ немъ нашлось такое бездѣльное „жемчужное зерно“!

Какъ же выдти изъ этой дилеммы? Остается одно: извиниться предъ читателемъ и отложить болѣе подробное обсужденіе пьесы г. Ге и ея постановки до ближайшаго номера!

Такъ и дѣлаю. И все-таки не могу удержаться, чтобы теперь же не воскликнуть: ахъ, какое яркое, мощное, глубокое дарованіе у г-жи Павловой!

Евг. Мауринъ.

ПРЕСВЯТЫЙ